

ОШИБКА ДЕЛЕНИЯ НА НОЛЬ

НИКИТА ОТАВИН

Никита Отавин

Ошибка деления на ноль

<https://litres.ru/74600037>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире вечного полумрака, где боль, старость и слёзы стёрты ради «эффективности», люди стали лишь батарейками для бессмертных Кланов. Память предков подменена алгоритмами, а души питают ненасытных Теней, скрывающихся за фасадом идеального порядка.

Но когда на гранитные набережные столицы ступает Яромир — человек с глазами, полными пепла минувших войн, — Система даёт сбой. Вместе с Ладой, чьи шаги заставляют мёртвую землю рождать жизнь, он становится «Ошибкой деления на ноль» — вирусом, на который у идеального мира нет ответа.

Их цель — не свержение власти. Их цель — разбудить спящее Сердце Мира. Им предстоит пройти от ледяных пустошей Севера до выжженных пустынь Юга, чтобы напомнить человечеству: свобода — это не отсутствие цепей, а право на ошибку, право на боль, право на любовь.

Это история о том, как сквозь трещины в бетоне пробивается Вечность, и о том, что иногда, чтобы зажечь свет для миллионов, нужно добровольно шагнуть в самый тёмный колодец и оставить там своё Эго.

Содержание

Аннотация	4
Предисловие автора	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИЛЛЮЗИЯ	10
БЛАГОПОЛУЧИЯ	
Глава 1. Страна теней	11
Глава 2. Встреча с Правителем	15
Глава 3. Пробуждение	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Никита Отавин

Ошибка деления на ноль

Мы искали Бога в небесах, а Он всё это время спал в земле под нашими ногами. Они заглушили нашу боль, а взамен забрали крылья...

Аннотация

В мире вечного полумрака нет места слезам, старости и сомнениям. Здесь каждый шаг выверен алгоритмом, а счастье течёт по венам вместе с синтетической дозой покоя. Люди забыли, как пахнет дождь и как звучит голос предков — их память стёрта ради «эффективности», а души стали топливом для бесконечного обогащения «избранных» элит и питания паразитирующих Теней. Это не тирания. Это идеальный порядок.

Но когда на гранитные набережные столицы ступает Яромир — человек с глазами, в которых отражается пепел минувших войн, — Система даёт сбой. Он не несёт оружия. Он несёт в себе забытую мелодию, способную резонировать с самым сердцем Земли. Рядом с ним — Лада, чьи шаги заставляют мёртвую почву возрождаться и нести жизнь.

Они — вирус для системы — «Ошибка деления на ноль».

Их цель — не свержение власти. Их цель — разбудить спящее Сердца Мира. Их путь лежит к четырём забытым Узлам Земли, пронзающих континент от ледяных пустошей до мёртвых морей. Они должны напомнить людям, что свобода — это не отсутствие цепей, а право на собственный выбор. Право на ошибку. Право на боль. Право на любовь.

Система, построенная на лжи, боится не оружия. Она боится Тишины. Того момента, когда человек перестаёт бежать за наживой и слышит, как бьётся сердце планеты.

Кланы бросят против них легионы безупречных воинов системы и обрушат на города тонны цифрового шума. Но их главное оружие — не сталь. Их оружие — Память, проросшая сквозь бетон.

Это история о том, как рушатся идеальные клетки, построенные из золота и иллюзий. О том, как сквозь трещины в асфальте пробиваются не просто зелёные ростки, а сама вечность. О том, что чтобы зажечь свет для миллионов, иногда нужно добровольно шагнуть в самый тёмный колодец и оставить там своё Эго.

«Ошибка деления на ноль» — это зеркало, отражающее истинную суть.

Для тех, кто чувствует, что за гулом мегаполиса потерял себя. Для тех, кто знает: настоящая революция начинается не на баррикадах, а в тот момент, когда человек впервые за долгие годы смотрит на небо без цифровых фильтров и вспо-

минает вкус настоящей жизни.

Предисловие автора

«Мы искали Бога в небесах, а Он всё это время спал в земле под нашими ногами».

Эта строка, открывающая книгу, родилась не из желания написать красивую метафору. Она родилась из глухого страха, который знаком, я уверен, многим из нас. Страх, что мы, в погоне за безопасностью, деньгами, комфортом и «лайками», потеряли нечто очень важное.

В ходе работы над данным романом, я всё острее чувствовал и осознавал, что мир вокруг нас меняется с пугающей скоростью. Мы сами, добровольно, вставляем себе под кожу чипы «эффективности», отдаём детей на воспитание алгоритмам и меняем живое рукопожатие на холодный свет экрана. Мы строим «идеальный» мир. Мир, где не больно падать, где алгоритм подберёт тебе идеального партнёра и идеальную дозу дофамина. Мы строим «Рай».

Но чем дальше я погружался в мир своих героев — Яромира и Лады, тем яснее понимал: Рай, из которого изгнали возможность по-настоящему чувствовать, страдать и совершать ошибки, — это не спасение. Это самый комфортабельный, самый тихий и самый безнадёжный склеп.

«Ошибка деления на ноль» — это не роман-катастрофа. Это не инструкция по выживанию в постапокалипсисе. Это,

прежде всего, книга о Памяти. О той памяти, что течёт в наших жилах. О памяти, которая живёт в корнях деревьев и в трещинах старого асфальта.

Мой герой, Яромир, — не Спаситель. Он — носитель боли. Человек, который не побоялся взять на себя ответственность. Моя героиня, Лада, — не добрая фея. Она — сама Мать-Земля, уставшая от того, что дети забыли вкус дождевой воды и запах настоящей, луговой травы. Они не пытаются победить «Систему». Они просто напоминают людям, что у них есть право на ошибку. Право на жизнь. И право на любовь, которая не влезает ни в какие алгоритмы.

Вы не найдёте здесь простых ответов. Я не знаю, как нам спасти мир. Я знаю только одно: чтобы вырастить дерево, зерно должно переродиться в темноте. Чтобы зажечь свет, иногда нужно пройти через самую густую, самую страшную тень.

Эта книга — мой личный «вирус». Вирус сомнения. Я писал её для тех, кто, глядя на неоновые вывески мегаполисов, всё ещё чувствует тоску по запаху мокрой хвои. Для тех, кто понимает, что самая крепкая цепь та, что мы сами, добровольно, куём из своего страха и желания комфорта.

Если, закрыв последнюю страницу, вы выйдете на улицу и посмотрите на небо без фильтров — если вы почувствуете холодный ветер на лице, и он покажется вам настоящим, а не симуляцией — значит, Яромир и Лада дошли до вас.

Спасибо, что решились спуститься в этот колодец вместе

со мной.

С уважением и верой в Вас,

Никита Отавин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИЛЛЮЗИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ

Тьма — это не отсутствие света. Тьма — это доказательство того, что свет существует. Они боятся темноты, поэтому заливают её мёртвым неоном.

Глава 1. Страна теней

Осенний ветер гнал по проспектам столицы сухие листья — не золотые, как в песнях предков, а серые, с прожилками пепла, словно сама природа устала притворяться живой. Яромир стоял на гранитном парапете набережной, вглядываясь в реку, что ещё недавно носила имя Великой, а теперь отражала лишь неоновые вывески торговых центров и бесконечные потоки одинаковых автомобилей. Вода была тяжёлой, маслянистой, и в ней, казалось, тонули не только отбросы города, но и память о тех временах, когда по этим берегам ходили люди, знавшие цену слову и глубину молчания.

Он вернулся сюда спустя семь лет. Семь лет скитаний по забытым деревням, где ещё теплились очаги древних ремёсел, по монастырям, превращённым в музеи, по степям, где ветер до сих пор пел на языке забытых племён. Яромир искал не достопримечательности для путеводителей — он искал душу. Но столица встретила его глухим, вибрирующим гулом. Это был не шум жизни. Это был рёв системы, гигантского механизма, перемалывающего человеческое время в цифры на экранах и пустоту в сердцах.

Люди вокруг двигались быстро, не поднимая глаз. Их лица подсвечивались холодным светом смартфонов — маленьких алтарей, у которых они приносили в жертву своё внима-

ние. В ушах — капсулы, отсекающие реальность. Они шли, натываясь друг на друга, но не видели друг друга. Мать толкала коляску, не отрывая взгляда от ленты новостей, где улыбающиеся лица рекламировали кредиты на счастье. Старик на скамейке кормил голубей, но его глаза были мертвы — он смотрел сквозь птиц, сквозь время, в ту точку, где его личная история была стёрта ради «эффективности» нового порядка.

Яромир чувствовал это физически — тяжесть на плечах. Это была не просто усталость с дороги. Это была плотность лжи, висящая в воздухе, как смог. Здесь каждый кирпич, каждая витрина кричали об успехе, о комфорте, о праве на эгоизм. Но за этим фасадом Яромир, обладавший чутьём воина и чувствительностью поэта, видел гниль. Он видел, как разрывается ткань поколений. Дети не знали имён своих прадедов, но знали логотипы сотен корпораций. Мужчины разучились быть защитой, став функцией в офисе. Женщины разучились быть хранительницами очага, превратившись в конкуренток в бесконечной гонке за молодостью и статусом.

«Они деградируют не сами, — подумал Яромир, сжимая в кармане холодный металл древнего оберега с окантовкой, вырезанной из кедра. — Их деградацию спроектировали. Это не болезнь. Это операция».

Он вспомнил слова старого волхва из сибирской тайги, у которого жил прошлой зимой. Старик, чьи глаза были яснее, чем у любого столичного профессора, сказал тогда, помещивая угли в печи:

— Видишь, Яромир, как дым стелется по земле? Он ищет низины. Так и тьма всегда ищет пустоты в душе. Если человек забыл, зачем он дышит, если в нём нет огня предков — тьма заполнит его. Она придёт не с мечом. Она придёт с кредитом под низкий процент и сериалом, который усыпит волю. Самая крепкая цепь — та, которую раб сам куёт, думая, что это украшение.

Яромир оторвался от парапета и влился в поток. Его шаг был иным — не суетливым, а укоренённым. Он шёл не к цели, он шёл сквозь пространство, наблюдая. Он видел, как в витрине элитного бутика манекены с идеальными пластиковыми лицами демонстрировали одежду, которая должна была скрыть внутреннюю наготу. Он видел, как в подворотне, в отблесках галогеновых ламп, подростки передавали друг другу не сигареты, а картриджи с виртуальной реальностью, где можно было быть кем угодно, только не собой.

Его путь лежал к сердцу этого лабиринта — к Старой крепости, где за стенами из красного камня, увитыми современными коммуникациями, как плющом-паразитом, скрывался тот, кто всё ещё помнил. Правитель. Человек, чья воля была подобна граниту, но чьё поле для манёвра сужалось с каждым новым указом, продиктованным «международными партнёрами» и «рыночными условиями».

Яромир знал, что его ждут. Не потому, что он назначил встречу. А потому что такие, как он — те, кто несёт в себе свет ведических знаний, кто помнит язык птиц и структуру

звёзд, — в этой стране теней стали редкостью. Почти реликтом. И система, как хищник, всегда чувствует того, кто не отбрасывает тени в её искусственном свете.

Впереди, над крышами, возвышался золотой шпиль дворца. В лучах заходящего солнца он должен был сиять, как маяк. Но сегодня Яромиру казалось, что золото это — лишь тонкая фольга, под которой скрывается свинец. Свинец усталости целого народа, который забыл, как смеяться по-настоящему, и разучился плакать, когда больно душе.

Он остановился на мгновение, закрыл глаза и сделал то, что делал всегда, когда информационный шум города грозил оглушить его. Он обратился внутрь. Туда, где за броней мышц бывшего разведчика и цинизмом современного писателя жила тишина. Древняя, как сама вечность.

«Я не просто наблюдатель, — прошептал он про себя, и ветер подхватил его слова. — Я — память. Я — вопрос, на который у этой системы нет ответа. Я — искра в сыром порохе».

Яромир открыл глаза. В его взгляде отразилось не отражение неоновых огней, а холодное пламя далёких звёзд, под которыми его предки строили города из живого дерева и камня, зная, что дом — это не стены, а продолжение души.

Глава 2. Встреча с Правителем

Пройдя по огромной площади, он шагнул к воротам. На встречу ему уже шёл человек в строгом костюме, с лицом, лишённым эмоций. Но Яромир видел сквозь него. Он видел страх. Страх системы перед тем, кто помнит.

Человек в строгом костюме, сухо представившись Виктором, кивнул и повёл гостя сквозь лабиринты Старой крепости. Коридоры здесь жили двойной жизнью. С одной стороны — мрамор, позолота, голографические панели, транслирующие графики роста ВВП и отчёты о «стабильности». С другой — едва уловимый запах пыли веков, прохлада камня, помнившего шаги царей и шёпот заговорщиков. Здесь прошлое и настоящее не сливались, они вели безмолвную войну за каждый сантиметр пространства.

Виктор шёл быстро, его шаги были выверены до миллиметра. Он был идеальным продуктом системы: эффективный, предсказуемый, пустой. Яромир же шёл, касаясь кончиками пальцев старых дубовых панелей, под которыми скрывалась вековая кладка. Он чувствовал пульсацию здания. Крепость была живым организмом, и сейчас она тяжело дышала.

— Он ждёт вас в Библиотеке, — бросил Виктор, не оборачиваясь. В его голосе не было ни почтения, ни пренебре-

жения. Только протокол.

— В той, что на схемах обозначена как архив макулатуры?
— с лёгкой иронией спросил Яромир.

Виктор впервые замедлил шаг. В его глазах на долю секунды мелькнуло нечто похожее на удивление, но тут же погасло, словно сработал внутренний предохранитель.

— Откуда вы...

— Стены помнят, — отрезал Яромир. — И они не любят лжи. Даже той, что нарисована на бумаге с гербовой печатью.

Они спустились на два уровня ниже уровня земли. Воздух здесь стал другим — густым, насыщенным ароматом старой кожи, сушёных трав и чего-то неуловимо электрического. Виктор приложил ладонь к неприметной панели. Раздался тихий гул, и стена, казавшаяся монолитной, ушла в сторону, открывая проход.

Яромир шагнул внутрь и замер.

Это была не библиотека в привычном понимании. Здесь не было бесконечных рядов штампованных книг в глянцевых обложках. Это был Ковчег. Сводчатый потолок, уходящий во тьму, поддерживали колонны, вырезанные из цельных стволов лиственницы. Вдоль стен — стеллажи из кедра, а на них — древние книги, свитки, берестяные грамоты, каменные таблички, рунические посохи. В центре зала, под отверстием в куполе, сквозь которое падал единственный луч света, стоял массивный стол из морёного дуба. За ним сидел человек.

Правитель не изменился за эти семь лет. Время будто боялось касаться его лица. Морщины у глаз были не следами старости, а картой прожитых бурь. Его взгляд, когда он поднял глаза на Яромира, обладал физической тяжестью. В нём не было власти тирана, но была тяжесть ответственности за целый континент.

— Ты задержался, Яромир, — голос Правителя был глубоким, но в нём слышалась трещина, как в пересохшей земле. — Река времени уносит берега быстрее, чем мы успеваем сажать деревья.

— Чтобы посадить дерево, нужно сначала очистить землю от камней, — ответил Яромир, подходя ближе. Он не поклонился. В присутствии этого человека кланяться было не нужно — их равенство было иного порядка. — Я очищал землю. Она пропитана солью слёз и ржавчиной предательства.

Правитель медленно поднялся. Он был высок, но сутулился, словно нес на плечах невидимый купол этой крепости.

— Соль и ржавчина... — он горько усмехнулся. — Они называют это «макроэкономической коррекцией» и «оптимизацией социальных расходов». Они убивают мой народ, Яромир. Убивают его дух, а тело заставляют работать до изнеможения, покупая ему блестящие игрушки, чтобы оно не заметило агонии.

Он подошёл к одному из стеллажей и провёл рукой по корешкам.

— Смотри. Здесь — генеалогия родов, помнящих свою

силу на тысячу лет назад. А там, — он кивнул в сторону голографической стены, которую они видели в коридоре, — отчёт о том, что средний потребитель сменил смартфон на 0,3 дюйма больше. И это считается достижением цивилизации.

Яромир подошёл к столу. На нём лежал раскрытый фолиант. Страницы были из тонкого, но прочного материала, напоминавшего пластик, но пахнувшего мёдом и воском. Буквы светились мягким золотым светом.

— Что это? — спросил Яромир.

— То, что они называют «запрещённой литературой», — Правитель коснулся страницы. — «Глубинная книга». Оригинал. Тот самый, который они пытались сжечь трижды. Смотри.

Он указал на схему, изображающую человека. Но это был не просто анатомический рисунок. От макушки человека уходил ввысь световой поток, разветвляясь, как крона дерева, и уходил в Космос. А от стоп — корни, уходящие в недра Земли.

— Они вырвали корни, — прошептал Яромир. — Обрубили связь с Землёй-матерью, оставили только антенны для приёма мусора. Люди стали флюгерами без шеста. Ветер лжи крутит их, куда захочет.

— Именно, — Правитель закрыл фолиант. Звук был подобен удару колокола. — Они внедрили в умы вирус «индивидуализма». Брат пошёл на брата не с мечом, а с судебным

иском. Отец продаёт дочь в рабство корпораций, называя это «инвестицией в будущее». Мать отказывается от сына, потому что он «снижает её индекс социальной значимости». Они разделили неделимое.

Внезапно Правитель посмотрел Яромиру прямо в глаза. В этом взгляде не было просьбы. В нём была сталь.

— Я окружён тенью, Яромир. Мои министры — это марионетки. Их нити тянутся не ко мне. Они тянутся через океан, в залы, где воздух кондиционирован, а совесть заморожена в криокамерах. Я издаю указы о защите языка — а на следующий день выходит закон о «свободе заимствований», убивающий смысл слов. Я пытаюсь вернуть землю народу — а корпорации уже владеют водоносными слоями под этой землёй. Я строю свободные от религий храмы — а экраны вещают, что Бога нет, есть только психоактивные вещества и «успешный успех».

Он обошёл стол и остановился в луче света. Его тень на стене стала огромной, почти мифической.

— Они хотят, чтобы я стал тираном. Чтобы я залил улицы кровью, оправдывая «необходимостью порядка». Тогда они введут «миротворцев» и заберут последнее. Я хожу по лезвию ножа, Яромир. Одно неверное слово — и страна рухнет в гражданскую войну, которую они так старательно готовят, натравливая регион на регион, веру на веру.

Яромир молчал. Он чувствовал, как в зале сгущается напряжение. Это была не просто беседа. Это был обмен часто-

тами. Правитель излучал отчаяние, замаскированное под волю. Но Яромир видел глубже. Он видел, что Правитель, обладая властью внешней, потерял власть внутреннюю — он начал верить, что система сильнее человека.

— Вы боитесь, — тихо сказал Яромир.

Правитель вздрогнул, как от удара.

— Я боюсь за них, — он махнул рукой в сторону невидимого города. — За миллионы, которые даже не знают, что умирают.

— Страх — это цепь, — Яромир взял со стола маленький кристалл горного хрусталя, лежавший среди бумаг. Он сжал его в кулаке. — Вы пытаетесь починить телегу, у которой нет оси. Телега — это государство. Ось — это дух народа. Вы пытаетесь красить телегу, пока ось гниёт где-то в закрытом сарае.

Кристалл в его руке начал едва заметно светиться.

— Вы хотите, чтобы я стал вашей осью? — спросил Яромир.

— Я хочу, чтобы ты стал искрой, — Правитель подошёл вплотную. От него пахло сухими осенними листьями. — Ты ходишь среди людей. Они слушают тебя. Не потому, что ты писатель. А потому, что в твоих словах нет страха. Напиши им. Не указ. Не манифест. Напиши им сказку, в которой будет правда. Такую правду, от которой нельзя отмахнуться. Пусть они вспомнят вкус чистой воды и запах дыма от очага предков. Разбуди их, Яромир. У меня связаны руки протоко-

лами и предателями. У тебя связаны только твои сомнения.

Яромир разжал ладонь. Кристалл вспыхнул, поймав луч света, и пустил по стенам радужных зайчиков. Эти блики упали на древние свитки, и на мгновение показалось, что буквы на них ожили.

— Сказка, которая станет былью, — произнёс Яромир. — Или быль, которая станет сказкой, если мы проиграем.

— Мы не имеем права проиграть, — голос Правителя дрогнул впервые за весь разговор. — Иначе тьма поглотит не только эту страну. Она поглотит саму возможность света на этой планете. Эти существа... те, что в тени... они голодны. И наш страх — их хлеб.

За дверью, в коридоре, что-то гулко ухнуло. Словно где-то далеко обвалилась часть старой стены, не выдержав тяжести нового, фальшивого фасада.

Виктор, стоявший у входа, напряжённо смотрел в свой планшет.

— Господин... — начал он, но Правитель жестом остановил его.

— Уходи, Яромир, — сказал Правитель тихо, но властно. — Иди к людям. Пиши. Говори. Ищи тех, чьи глаза ещё не погасли. Время разговоров в подземельях закончилось. Время сеять огонь правды — началось.

Яромир кивнул. Он не прощался. В мире, где они находились, прощание — это признание возможности не встретиться. А они оба знали: следующая встреча будет либо на

руинах, либо в новом мире.

Когда Яромир вышел, и стена за ним закрылась, отсекая свет древней библиотеки, он на мгновение ослеп от яркого, холодного неона коридоров. Но его глаза быстро привыкли. Теперь он видел не только фальшь. Он видел пустоты. Места, куда можно и нужно было посеять семена истины.

Он достал из внутреннего кармана блокнот в кожаном переплёте и ручку. Старые, не цифровые. В мире, где всё хранилось в «облаках», его мысли должны были лежать в его собственной голове, а слова — рождаться от трения пера о бумагу. Это тоже был акт сопротивления.

— Ну что ж, — прошептал он, открывая чистую страницу. — Начнём сказку. О том, как рабы вспомнили, что они — дети Богов.

Тяжёлая дверь закрылась за Яромиром, отрезая его от вековой тишины и запаха кедра. На мгновение он ослеп и оглох. Контраст был оглушающим. Из мира, где время текло медленно, как смола, он шагнул в артерию города, где пульс бился в ритме истерики.

Коридоры крепости сменились гулом подземной станции. Поток людей вынес Яромира на платформу. Здесь, внизу, под толщей бетона и лжи, человеческая река была особенно плотной. Лица, подсвеченные экранами смартфонов, казались неживыми — маски, за которыми скрывался страх опоздать, страх не успеть купить, страх выпасть из системы.

Глава 3. Пробуждение

Яромир стоял, прислонившись к холодной колонне, и смотрел на безликие силуэты людей. Но теперь его взгляд был иным. После беседы с Правителем он словно обрёл новое зрение. Он видел не просто толпу. Он видел эгрегоры — невидимые, пульсирующие сгустки энергии, висящие над людьми. Серый, липкий туман тревоги над офисными работниками. Багровая, пульсирующая пелена агрессии над группой подростков в спортивных костюмах. Бледно-жёлтый дымок зависти и пустоты над девушками, листающими фотографии «идеальной жизни» блогеров.

Система питалась этим. Эти теневые существа, о которых говорил Правитель, не были выдумкой. Они были паразитами, и их пищей была оторванность человека от самого себя.

Поезд с шипением распахнул стальные челюсти. Толпа качнулась. Яромира прижали к краю платформы. Рядом, почти касаясь его плечом, стояла девушка. Она не смотрела в телефон. Она смотрела на людей, и в её глазах Яромир увидел то, что искал — осознанность.

Е

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.